

УДК 343.1

*А.А. Сартбаева, Ф.Ф. Аскерова***РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПО УПК КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И УПК РФ**

При производстве по уголовным делам в многонациональном государстве возникают вопросы, связанные с обеспечением лица правом пользоваться родным языком или языком, которым он владеет. В государствах бывшего СССР по-разному регулируются вопросы реализации принципа языка судопроизводства при производстве по уголовному делу, что предполагает необходимость выявления существующих проблем и поиска путей их решения. УПК РФ и УПК Кыргызской Республики в числе принципов содержат принцип языка судопроизводства, однако УПК КР предусматривает производство по уголовным делам на государственном или официальном языке, а УПК РФ предусматривает производство на государственном языке или государственном языке субъекта, таким образом, в Кыргызии судопроизводство может вестись только на кыргызском или русском языках, независимо от того, на каком языке говорит большинство населения в данной местности, а в России судопроизводство может вестись на множестве языков, в зависимости от того, какой язык признан государственным в данном субъекте. Законодатель по-разному регламентирует использование права пользоваться родным языком участниками процесса. Обосновывается необходимость урегулирования вопросов реализации принципа языка судопроизводства, а также требований, которые предъявляются к переводчику в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: язык судопроизводства, уголовный процесс, переводчик, официальный язык, государственный язык, владение языком судопроизводства, судебное разбирательство, право, принцип.

Согласно п. 2 ст. 26 Конституции РФ, каждый имеет право пользоваться родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Данное положение нашло отражение в ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), согласно которой лицо имеет право пользоваться родным языком и услугами переводчика бесплатно. Принцип языка уголовного судопроизводства реализуется на всех процессуальных стадиях. Этот принцип тесно связан с такими основополагающими принципами, как состязательность, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту и другие. Судебное разбирательство осуществляется непосредственно через судоговорение, тем самым реализуется устность судебного разбирательства. В УПК Кыргызской Республики также присутствует принцип языка уголовного судопроизводства.

В силу того что на территории Кыргызстана проживают представители более ста национальностей и присутствует языковая множественность, в Конституции Кыргызской Республики в ст. 10 устанавливается кыргызский язык государственным языком Кыргызстана, кроме того, п. 2 предусматривает в качестве официального употребление русского языка. Уголовное судопроизводства Кыргызской Республики ведется на государственном языке или на официальном языке, то есть на кыргызском или на русском языке (ст. 23 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, далее – УПК КР).

Первоначально рассмотрим понятия государственного и официального языка, поскольку, не являясь тождественными, они близки по значению. Экспертами ЮНЕСКО в 1953 г. было предложено разграничение этих понятий и их определения.

Государственный язык – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства.

Официальный язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства. Эти два понятия имеют рекомендательный характер и не обязательны для всех стран¹.

Понятие официального языка закреплено в ст. 1 Закона Кыргызской Республики «Об официальном языке», где официальный язык – это язык, используемый, наряду с государственным, в сфере государственного управления, законодательства и судопроизводства Кыргызской Республики, а также в иных сферах общественной жизни, «...служит языком межнационального общения и способствует интеграции в мировое сообщество»². Конституционное судопроизводство ведется на государственном языке, а по ходатайству участников может вестись на официальном языке³.

¹ Дьячков М.В. Минаторные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. М., 1996. С. 85.

² Закон Кыргызской Республики «Об официальном языке».

³ Статья 15. Конституционный закон КР № 37 от 13.06.2011 «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики».

Государственным языком является кыргызский язык (ст. 1 Закон КР «О государственном языке Кыргызской Республики»), в этой же статье указано, что не допускается ущемление прав и свобод граждан по признаку незнания государственного или официального языка. Возникает вопрос: почему делопроизводство в органах государственной власти и органах местного самоуправления ведется на государственном языке, а только после принятия конкретного Решения Правительства Кыргызской Республик может вестись на официальном языке (ст. 14 там же), разве эта норма не противоречит ст. 1 Закона «О Государственном языке КР»? Каким образом собирать доказательства для предоставления в судебном заседании лицам, не владеющим государственным языком, если все документация органов власти ведется на государственном языке?

В УПК Российской Федерации указано применение русского языка в Верховном Суде Российской Федерации, военных судах (п. 1 ст. 18 УПК РФ). В Кыргызстане ст. 15 Конституционного закона КР № 37 от 13.06.2011 «О Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики» гласит, что конституционное судопроизводство ведется на государственном языке, а по ходатайству участников может вестись на официальном языке. Следовательно, статус русского языка выше в России по сравнению со статусом кыргызского языка в Кыргызстане, так как Россия не допускает применение иных языков в судах с особым статусом. Тогда как в Кыргызстане, напротив, существует более лояльное отношение к русскому языку, так как в Верховном Суде и Конституционном Суде судопроизводство может вестись на кыргызском или на русском языке (п. 1 ст. 7 Закона Кыргызской Республики «О Верховном Суде Кыргызской Республики и местных судах» от 18 июля 2003 г. № 153).

«Участвующие в деле лица» в УПК КР и «участники уголовного судопроизводства» в УПК РФ являются равнозначными понятиями и обладают правом пользоваться услугами переводчика, однако в УПК РФ конкретизируется бесплатность переводчика, а УПК КР об этом не говорит (п. 2 ст. 18 УПК РФ, п. 2 ст. 23 УПК КР). Говоря о владении языком, на котором ведется производство по уголовному делу, российское законодательство использует формулировку «не владеющий или недостаточно владеющий языком», кыргызское законодательство – «не владеющий языком». Вообще, определение «уровень владения языком судопроизводства» нигде не зафиксировано. «Владеть языком судопроизводства – значит свободно понимать данный язык во всех его нюансах, без всяких затруднений изъясняться на нем по любым вопросам, возникающим в ходе процесса. Закон подразумевает под владением языка именно активное знание его и умение свободно объясняться на этом языке»⁴ – такое понятие дается в научной литературе, но на законодательном уровне оно не закреплено, что порождает много проблем.

Основываясь на вышеприведенном, следует отметить, что используемое в российском законодательстве понятие «недостаточно владеющий языком» вводит в заблуждение, так как следователь или дознаватель не могут определить эту недостаточность, если подозреваемый, обвиняемые не понимают, не читают, не говорят или делают это в искаженной форме, соответственно, это уже признак невладения языком судопроизводства. Определение «недостаточно владеющий языком» является в данной норме излишней. Из практики Российской Федерации следует, что определение владения языком устанавливается следователем, дознавателем при сборе дополнительных документов об образовании, месте рождения, местности проживания и т.д. В Российской Федерации при установлении факта владения и невладения языком судопроизводства правоохранительные органы опираются на законодательство об образовании, в котором указывается, что «образовательная деятельность в России осуществляется на русском языке, а преподавание и изучение государственных языков республик Российской Федерации», хотя и допускается, но не должно «осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка...» (чч. 1, 3 ст. 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). Согласно миграционному законодательству, все действия, направленные на легальное длительное пребывание иностранных граждан в Российской Федерации, осуществляются только после признания способности владеть и пользоваться русским языком (ст. 15.1 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). В Кыргызской Республике по этому пути пойти нельзя, так как законодательно закреплено, что языковая политика в образовательных организациях осуществляется в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики и законодательством Кыргызской Республики (ст. 6 Закона Кыргызской Республики от 30 апреля 2003 г. №92 «Об образовании»), то есть на русском или кыргызском языках.

⁴ Саркисянц Г.П. Переводчик в советском уголовном процессе / отв.ред.А.А. Азгамходжаев. Ташкент: Фан, 1990. С. 24.

УПК РФ закрепляет право за невладеющими языком объясняться на родном языке или другом языке, которым они владеют (п. 2 ст. 18 УПК РФ), кыргызское законодательство предусматривает объяснение только на родном языке (п. 2 ст. 23 УПК КР). Законодатель РФ предоставляет наибольшие возможности участникам уголовного процесса, тем самым предоставляя право выбора языка объяснения по желанию. Но и у этого положения есть другая сторона: лицо, не владеющее языком судопроизводства, может выбрать для использования редкий язык, что вызовет затруднения для сотрудников правоохранительных в поисках переводчика, а это усложняет и удлиняет сам процесс судопроизводства. В п. 2 ст. 23 УПК КР указывается на использование только родного языка, но далее в п. 3 этой же статьи указана обязанность вручения процессуальных документов на родном языке и языке, которым владеют участники судопроизводства. Возникает противоречие между тем, что «...обеспечивается право делать заявления, давать показания, заявлять ходатайства, знакомиться со всеми материалами дела, выступать в суде на родном языке...» (п. 2 ст. 23 УПК КР), и тем, что «копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого и приговора (определения, постановления) вручаются обвиняемому, подсудимому, осужденному в переводе на их родной язык или язык, которым они владеют» (п. 3 ст. 23 УПК КР). В данном случае – это упущение законодателя, которое необходимо устранить.

УПК РФ обязывает следственные и судебные документы вручать подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, переведенными на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет (п. 3 ст. 18 УПК РФ). Законодатель не уточняет, какие именно документы, тогда как в УПК КР существует закрытый перечень таких документов: копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого и приговора (определения, постановления). Соответственно, у подозреваемого и обвиняемого, не владеющих языком производства уголовного дела, больше прав на предоставление процессуальных документов в Российской Федерации, чем в Кыргызской Республике. Стоит отметить существенное отличие в обязанности вручения процессуальных документов: в Российской Федерации такие документы вручаются подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, а в Кыргызской Республике вручаются только обвиняемому, подсудимому, осужденному. Возникает неясность в праве использования переводчика до момента вынесения определения о привлечении в качестве обвиняемого в Кыргызской Республике. До этого момента лицо, имеющее статус подозреваемого, не имеет права пользоваться переводчиком. Сравнивая данные положения с российской аналогичной нормой, нужно отметить, что происходит ущемление прав подозреваемых, не владеющих языком уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики регламентирует ведение судопроизводства на государственном или официальном языке (п. 1 ст. 23 УПК КР), поэтому мы рассматриваем более подробно реализацию двух языков – русского и кыргызского.

Уголовное судопроизводство предусматривает предоставление переводчика участникам процессуальных отношений в ст. 66 УПК КР. Первое, что характеризует переводчика – это прямая или косвенная незаинтересованность в уголовном деле. Соответственно, в качестве переводчиков не должны привлекаться лица, участвующие на стороне защиты или обвинения. На практике в кыргызских судах в ситуации, когда судебное разбирательство проходит на кыргызском и русском языках, в качестве переводчиков привлекаются работники суда, где проходит слушание. Возникает вопрос: правомерно ли приглашать в качестве переводчиков работников суда? Не противоречит ли это условию незаинтересованности переводчика в исходе дела? Так как в уголовном судопроизводстве бремя предоставления перевода лицам, участвующим в процессе возлагается на государство, суды из-за отсутствия средств в бюджете и урезания этой статьи расходов вынуждены прибегать к таким мерам. Последствия могут быть различными: от ухудшения работы судейского аппарата (так как один работник фактически выполняет не свою работу по обеспечению деятельности суда) до искажения смыслового значения обсуждаемых моментов. Далее, переводчик должен владеть языком, но данное понятие законодатель не раскрывает. Каким должен быть уровень владения? Как этот уровень проверяется? В чем измеряется владение языком и как переводчик должен подтверждать, что он способен оказывать услуги качественного перевода. Все эти вопросы остаются открытыми. Мы не должны забывать, что существует специфика юридической лексики, которую очень сложно дословно перевести. Специфика правового языка обусловлена точностью и рациональностью правового мышления. Формирование и понимание юридической терминологии изучается на юридических факультетах. В Кыргызстане в большинстве высших учебных заведений обучение ведется на русском языке. Соответственно, мы не можем говорить о высоком уровне владения языком переводчиком, которого предоставим суд из штата судейских работни-

ков, несмотря на то, что, теоретически, он должен владеть правовым мышлением. В данной ситуации выявляется проблема изучения кыргызского языка и его применения в основных способах делопроизводства. Все это результат форсирования применения национального языка, без прочной базы и системы изучения этого языка. В качестве положительного момента мы можем отметить то, что в Кыргызстане были созданы русско-кыргызские юридические словари. Это позволит сформировать положительную практику переводов на высоком уровне, при непосредственном участии профессиональных переводчиков, к сожалению, редко привлекаемых в уголовном судопроизводстве.

Следует отметить проблему, возникающую в Кыргызской Республике при производстве по уголовным делам в отношении лиц, владеющих узбекским языком. По переписи населения 2009 г. узбекский язык стал вторым языком после кыргызского по числу жителей Кыргызии, считающих его родным. Этот язык очень распространен на юге страны, на 1 января 2016 г. численность узбеков в Кыргызстане составляла 14,6 %, что подразумевает частое применение в уголовном судопроизводстве кыргызско-узбекского формата судопроизводства. И это при том, что отсутствуют профессиональные словари узбекско-кыргызских языков, что очень осложняет производство уголовных дел. Даже если применять те же способы, что и с русским языком – приглашать работников суда, маловероятно, что найдутся такие универсальные специалисты, владеющие кыргызским и узбекским языком в совершенстве. А учитывая, что обучение в вузах ведется на русском языке, это лицо должно обладать еще и знанием русского языка.

Рассматривая проблемы языка уголовного процесса, следует отметить, что в УПК Кыргызской Республики данный вопрос решен менее подробно, чем в УПК РФ, особенно учитывая особенности использования официального и государственного языка без определения критериев их применения. Полагаем, что в УПК КР следует установить порядок использования официального и государственного языка в уголовном судопроизводстве, а также предусмотреть требования, предъявляемые к переводчикам.

Поступила в редакцию 22.05.16

A.A. Sartbaeva, F.F. Askerova

**REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF THE LANGUAGE OF LEGAL PROCEEDINGS
UNDER THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE KYRGYZ REPUBLIC
AND THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

In the course of criminal proceedings in the multinational state there arise questions connected with providing the person with the right to use the native language or language which the person knows. In the states of the former USSR, issues of implementation of the principle of the language of criminal proceedings are regulated differently, resulting in the need for identification of the existing problems and the search for ways of solving them. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Kyrgyz Republic contains, among others, the principle of the language of legal proceedings, however, the Code of Criminal Procedure of KR provides for criminal proceedings in the state or official language, and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation provides for legal proceedings in the state language or in the state language of the subject, thus the legal proceedings in Kirghizia can be conducted only in the Kyrgyz or Russian languages irrespective of what language the majority of the population of this area speaks, and in Russia the legal proceedings can be conducted in many languages, depending on what language is acknowledged as the state language in the federal subject concerned. The legislator variously regulates the list of the rights of participants in the process relating to the right to use the native language. The need of settlement of problems concerning the implementation of the principle of the language of legal proceedings, and of demands made on the translator in the criminal trial is proved.

Keywords: language of legal proceedings, criminal trial, translator, official language, state language, legal proceedings language proficiency, judicial proceedings, right, principle.

Сартбаева Амина Азаматовна, аспирант

Аскерова Фатима Фархад кызы, аспирант

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)

Sartbayev A.A., postgraduate student

Askerova Fatima Farkhad kyzy, postgraduate student

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 462034